

иные доказательства, являются ли обоснованными заявленные требования, какие акты законодательства должны быть применены по данному делу.

Литература

1. О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них: Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 104-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2010. — № 15. — 2/1656.
2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (вместе с «Положением о третейском суде»): Кодекс Респ. Беларусь, 11 янв. 1999 г., № 238-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 1999. — № 18—19. — 2/13.
3. О некоторых вопросах признания лица больным хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, порядке и условиях оказания медицинской помощи пациентам, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией (вместе с «Положением о порядке признания лица больным хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, порядке и условиях оказания медицинской помощи пациентам, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией», Инструкцией о порядке диспансерного учета больных с зависимостью от алкоголя, наркотических и ненаркотических веществ и профилактического наблюдения за лицами, употребляющими алкоголь, наркотические и ненаркотические вещества с вредными последствиями (без клинических проявлений заболевания), Инструкцией о порядке работы специальной медицинской комиссии организации здравоохранения, оказывающей наркологическую помощь, для проведения медицинского освидетельствования совершивших преступления лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией или направленных в лечебно-трудовой профилакторий): постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 10 июля 2002 г., № 53 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2002. — № 94. — 8/8370.
4. О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях: Декрет Президента Респ. Беларусь, 24 нояб. 2006 г., № 18 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2006. — № 198. — 1/8110.
5. О практике взыскания судами расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 19 дек. 2008 г., № 13 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2009. — № 6. — 6/720.
6. Трудовой кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 296-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 1999. — № 80. — 2/70.
7. Решетникова, И.В. Доказывание в гражданском процессе: учеб.-практ. пособие / И.В. Решетникова. — М.: Юрайт, 2010.
8. Гражданский процесс. Общая часть: учеб. / Т.А. Белова [и др.]; под общ. ред. Т.А. Беловой, И.Н. Колядко, Н.Г. Юркевича. — 2-е изд., перераб. и доп. — Минск: Амалфея, 2006.

*Статья поступила
в редакцию 18.11. 2010 г.*

В.И. ЕРМОЛОВИЧ

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСЕНСУАЛЬНОГО ДОГОВОРА В ПРАВЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Договор купли-продажи — один из видов консенсуального соглашения в римском частном праве. Рассмотрение данного вида договора в статье — это изучение принципов, положенных в основу консенсуальных соглаше-

Виктор Иванович ЕРМОЛОВИЧ, кандидат исторических наук, доцент кафедры международного экономического права Белорусского государственного экономического университета.

ний и их практической реализации в средневековом праве Сербии и Великого княжества Литовского как типичной модели правовой системы стран Европы. Сравнительный анализ договора купли-продажи в праве Великого княжества Литовского и Сербского государства проводится не случайно. Выбор обоснован тем, что гражданское право средневековой Сербии базировалось как на нормах обычного права славянских народов, так и римского частного права и представляло собой не только типичную, но и одну из наиболее передовых правовых систем средневековой Европы. В связи с этим сравнительный анализ договора купли-продажи в рассматриваемых странах выглядит весьма актуально, позволяя углубить наши познания о состоянии развития ряда норм гражданского права Великого княжества Литовского в контексте эволюции права стран средневековой Европы.

Изучение вопроса правоприменения договора купли-продажи в средневековой Сербии началось достаточно давно. Первые исследования историко-правового характера появились во второй половине XIX в. Одним из первых исследователей права Сербии, который обратил внимание на ряд аспектов реализации договора купли-продажи в средневековой Сербии, был русский ученый — профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета Ф.Ф. Зигель [1]. Научные разработки сербских ученых, посвященные данному вопросу, появились на рубеже XIX—XX вв. В числе первых сербских исследователей данного вопроса был К.Н. Костиц, который в 1904 г. опубликовал монографию «Торговля и промышленность древней Сербии: изучение истории средневековой культуры сербского народа» [2]. Договор купли-продажи в работе К.Н. Костица отражен в большей мере как экономический фактор, правовому механизму регулирования торговых отношений автор монографии не уделил значительного внимания, рассмотрев его эпизодически.

Реальный вклад в изучение правоприменения договора купли-продажи в средневековой Сербии внесли русские ученые-эмигранты А.В. Соловьев и Т.В. Тарановский, чья научная деятельность занимает особое место в историографии сербского права. Они являются основателями кафедры истории права на юридическом факультете Белградского университета, а за вклад в изучение сербского права получили почетное звание классиков сербской и югославской юридической науки. Вопросу реализации договора купли-продажи в средневековой Сербии А.В. Соловьев и Т.В. Тарановский посвятили ряд специальных исследований, которые и сейчас, многие десятилетия спустя, не утратили научной значимости [3; 4]. В их научных работах, написанных на богатом фактическом материале, нашли отражение общие и особенные аспекты применения договора купли-продажи в средневековой Сербии.

Заслуживает особого внимания докторская диссертация югославского исследователя Н.Ф. Павкович «Торговля в обычном праве Сербии и Хорватии. Исследование в области юридической этнологии», защищенная в 1970 г. Структурной частью данного исследования является глава «Право купли-продажи в средние века» [5, 55—147], где на значительном фактическом материале рассмотрен механизм покупки и продажи недвижимого и движимого имущества в Сербии и Хорватии, начиная с XI в. н.э. В диссертации также рассмотрены особенности реализации данного договора в отношении родственников, соседей (сообщинников), других физических и юридических лиц. Исследован вопрос взаимоотношений между совладельцами имущества, их права и обязанности в ходе реализации договора купли-продажи.

На рубеже XX—XXI вв. интерес к становлению и развитию договора купли-продажи в праве средневековой Сербии не прекратился. Об этом свидетельствуют исследования сербских ученых (Д. Гнатович [6], Б. Маркович [7] и др.), и авторов из других стран, например В.И. Ермоловича [8—11], рабо-

ты которого издаются на русском и сербском языках в Беларуси, России, Сербии, Боснии и Герцеговине.

Особого внимания заслуживает научная деятельность Б. Маркович — известного в Сербии специалиста в сфере истории материального права. В статье «Договор купли-продажи в законодательстве царя Стефана Душана» [7] Б. Маркович обобщила вклад предшествовавших исследователей по изучаемому вопросу и внесла ряд новых положений, которые, на наш взгляд, обогатили историко-правовую науку в отношении теории и практики реализации договора купли-продажи в праве средневековой Сербии. В частности, Б. Маркович справедливо утверждает, что средневековое сербское законодательство, регламентировавшее действие договора купли-продажи, базировалось на рецепированных нормах из источников восточно-римского права [7, 59—60]. Это является признанием со стороны автора указанной статьи, что договор купли-продажи в праве средневековой Сербии по своему характеру — консенсуальный договор, который был сформирован в римском частном праве.

Белорусская историография изучения договора купли-продажи в праве Великого княжества Литовского также достойно представлена рядом значимых работ отечественных авторов. Этот вопрос отражен в докторских диссертациях И.А. Юхо [12] и Т.И. Довнар [13]. В частности, Т.И. Довнар в докторской диссертации «Развіццё агульназемскага права Беларусі ў XV—XVI стагоддзях» рассмотрела механизм правоприменения договора купли-продажи в праве средневековой Беларуси на обширном фактическом материале в отношении недвижимой и движимой собственности.

Ряд работ, выполненных в жанре сравнительного анализа, посвятил реализации договора купли-продажи в праве средневековой Сербии и Великого княжества Литовского В.И. Ермолович [10; 11].

Таким образом, в основу данного исследования положена обширная историко-правовая и историографическая информационная база, а результаты, полученные нами, являются прямым следствием системного и сравнительно-правового анализа договора купли-продажи в праве стран средневековой Европы.

Договор купли-продажи в средневековой Сербии базировался на принципах римского права, согласно которым одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную сумму денег (цену). В результате указанного вида договора продавец передает покупателю право собственности на проданную им вещь. Налицо факт сделки, для совершения которой достаточно соглашения сторон. Передача вещи, совершение действия осуществляются с целью их исполнения. Следовательно, договор купли-продажи в праве средневековой Сербии — классический образец консенсуального договора в средневековом праве. Рассматривая применение данного вида консенсуального договора в феодальной Сербии, мы должны учитывать следующую особенность, что участие в этом виде правоотношений широких слоев населения было существенно затруднено, поскольку зависимые слои населения, в первую очередь крестьяне, не могли являться полноправными участниками договорных отношений. Имущество зависимых категорий населения являлось собственностью господствующего класса — светских и духовных феодалов. Следовательно, зависимое население в средневековой Сербии могло выступать только в роли условного владельца, который обладал ограниченной правоспособностью, в том числе и в области реализации права покупать и продавать. Реальным собственником имущества являлся феодал, который обладал правом собственности на имущество зависимого от него населения.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники права позволяют судить, что в средневековом Сербском государстве широко применялись заим-

ствованные из римского права нормы обязательственного права. В пользу этого свидетельствует Призренская купчая грамота, выявленная в 1870 г. и датируемая серединой XIV в. Ее текст содержит характерную для феодальной Сербии регламентацию гражданских правоотношений, в том числе и договора купли-продажи. Данную точку зрения поддерживает и ведущий научный сотрудник Сербской академии наук и искусств, доктор наук Б. Маркович. В ее научном докладе «Договор купли-продажи в законодательстве царя Стефана Душана», который был озвучен на научной конференции «Средневековое право Сербии в отражении исторических источников» в г. Белграде (19—21 марта 2009 г.), наряду с Призренской купчей грамотой (1346), была сделана ссылка на договор, заключенный 19 января 1438 г., предметом которого являлась продажа усадьбы Радославом Мирковичем в Трепче в собственность монастыря Св. Павла. Оба указанных договора были составлены на основе норм частного права, характерных для Восточной Римской империи [7, 58].

Купля-продажа необходимых товаров осуществлялась на основе принципа свободы внутренней и внешней торговли, который был гарантирован нормами обычного права, а в более позднее время — постановлениями ст. 18 «О переходе вещей», ст. 119 «О купцах», ст. 121 «О цариниках» (царских сборщиках торговых пошлин — В. Е.) «Законника Стефана Душана». Предметом договора купли-продажи являлись объекты движимой и недвижимой собственности. Например, в инвентарях имения монастыря Богородицы в Тетове упоминается земельное владение в Царевом Студенце, которое купил игумен монастыря в голодное время (неурожайное) у некого Кюре и его рода за 20 кабал жита (1 кабал равен 15 кг — В. Е.), мешок сыра и полутку (кадушку — В. Е.) сала [14, 98]. Приведенный пример позволяет сделать вывод, что реализация договора купли-продажи осуществлялась как на основе денежного, так и натурального обмена.

Правовой анализ содержания норм Призренской грамоты, который был проведен известным историком сербского права А. Соловьевым в работе «Договор купли-продажи в средневековой Сербии» [3, 446] еще в 20-е гг. прошлого века, свидетельствует в пользу того, что в основе договорного права феодальной Сербии лежали нормы римского частного права, которые отражены в тексте Свода восточно-римских законов «Эклоги» и получили широкое распространение у южных славян. Адаптированный вариант «Эклоги» к условиям общественной жизни и быта южных славян получил название славянская «Эклога». Из содержания постановлений «Эклоги» следует, что для заключения договора купли-продажи сербское феодальное право не требовало соблюдения строго установленных юридических норм. К примеру, ст. 1 титула IX «Эклоги» гласит: «Письменная или устная продажа и покупка какого-либо рода и, [в частности, какой-либо] вещи производится по оценке, установленной без обмана по соглашению участников. Когда же цена выплачена продавцу, а предмет торга передается покупателю, то такая продажа по изменению намерения одной из сторон не подлежит отмене. Ибо необходимо, чтобы до заключения соглашения покупатель был точно осведомлен изучением [предмета продажи] и тогда вступил в соглашение...» [15, 58]. Значит, договор купли-продажи осуществлялся посредством простого соглашения сторон. Он вступал в силу и порождал правовые последствия с момента достижения соглашения сторон.

Указанная норма может стать основанием упрощенного правопонимания того, что достигнутое соглашение между продавцом и покупателем ни к чему не обязывает их и что лишь после того, как вещь передана, его условия становятся обязательными для обеих сторон соглашения. Однако не будем конкретную правовую норму рассматривать как универсальную, потому что указанная статья «Эклоги» (славянская «Эклога», титул X, ст. 1; «Эклога»,

титул IX, ст. 1) регулирует только условия реализации договора купли-продажи за наличные деньги.

В пользу нашего мнения свидетельствует ст. 2 титула IX «Эклоги» (славянская «Эклога», титул X, ст. 2). Она предусматривает, что исполнению договора купли-продажи может предшествовать «испытание». В качестве одной из его форм предусматривался задаток [8, 29]. В рассматриваемый период он трактовался как денежная сумма или какая-либо вещь, которая дается при заключении договора купли-продажи. Если договор не исполнялся по вине того, кто внес задаток, виновный терял его. Если договор не исполнялся по вине противной стороны, то полученный задаток должен был быть возвращен в двойном размере. Например, статья договора короля Сербии Стефана Первовенчанного с г. Дубровником (1220) гласит: «Вино продавать без примеси воды... и если кто приобретет вино, разбавленное водой, то он вправе отказаться от своей покупки» [16, 137].

Наличие задатка при заключении договора купли-продажи показывает, что заключение и исполнение этого договора не всегда совпадали во времени. Договор купли-продажи порождал обязательства сторон не в момент исполнения, а уже в момент заключения договора.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении памятников феодального права Сербии позволяет судить о том, что существенных ограничений для осуществления договора купли-продажи как одного из видов гражданско-правовой деятельности законодатель не устанавливал. Лишь ст. 58 «Законника Стефана Душана» запрещала представителям непривилегированных сословий приобретать право собственности на землю. Кроме того, продажа предметов недвижимости (земля, строения, мельницы, сады и виноградники) при равных на то условиях согласно статьям 10, 11 «Закона царя Юстиниана», который являлся официальным источником гражданского права в средневековой Сербии, предусматривала первоочередное их приобретение родственниками и соседями (членами соседской общины) продавца [17, 206—207]. При этом последние имели право в течение 10 лет оспаривать факт законного приобретения данного имущества посторонним лицом (покупателем со стороны) с правом последующего выкупа данной собственности в свое владение [17, 206—207]. Данная правовая норма действовала как в отношении представителей господствующего класса (феодалов), так и свободных крестьян-общинников. Итак, мы наблюдаем тенденцию эволюции средневекового договора купли-продажи в консенсуальный договор, становление которого произошло во времена формирования норм римского частного права.

Договор купли-продажи на территории Великого княжества Литовского (территория современной Беларуси) в XIII—XVI вв. был основан на нормах обычного права. Длительное время договор купли-продажи в Великом княжестве Литовском осуществлялся посредством простого соглашения сторон. Он вступал в силу и порождал правовые последствия с момента достижения соглашения сторон. Вместе с тем была известна и норма задатка при заключении договора купли-продажи. Это свидетельствует в пользу того, что заключение и исполнение договора купли-продажи не всегда совпадали во времени. Здесь, как и в средневековом сербском праве, договор купли-продажи порождал обязательства сторон не в момент исполнения, а в момент заключения договора.

Форма, порядок реализации сделки, сроки исковой давности, способы исполнения обязательств регламентировались законодательством. При этом законодателя заботила формальная сторона исполнения обязательственных отношений, поэтому заключение договора осуществлялось в письменной форме. Особого оформления требовали сделки, касающиеся недвижимого имущества. Сделки, связанные с землей, требовали не только нотариального засвидетельствования, которое выражалось в их регистра-

ции в судебных книгах, но и обязательного утверждения данного вида сделок со стороны высшей государственной власти, т.е. дозволения на совершение указанной сделки от лица Великого князя. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры из средневековых юридических документов. Так, в текстах «Литовской метрики» зафиксированы многочисленные факты такого рода. Например, подтверждение о разрешении короля польского, великого князя Литовского Сигизмунда I — подконюшему виленскому Васку Дорошковичу на законное приобретение посредством договора купли-продажи земель на территории Бельского повета. Далее из указанной грамоты короля польского, великого князя Литовского Сигизмунда I, выданной 2 января 1507 г., следует: «... Король, дозволилъ ему в людеи Бельского повета на имя в Шестомич а в Новоселцовъ, а въ Вербечич, близко Орлеи прыкупити къ совему именеищу, которое он тамъ маеть, в кого на шест, а у вьного и на десят бочокъ земли» [18, 184]. В данном случае зафиксирован факт покупки феодалом В. Дорошковичем земли у старейшин крестьянских родов Шемотича и Вербечича. Наше утверждение основано на том, что «людьми» в указанный исторический период в официальных документах Великого княжества Литовского называли глав крестьянских хозяйств [19, 205]. Следовательно, даже в начале XVI в. государственные крестьяне Беларуси еще обладали полным правом собственности на землю.

Другой пример из Литовской метрики — «Потвержденье мешчанину мерецкому Григорку Анъдрушковичу купли его у бояр мерецких земель их отчизных и сеножатеи на вечность, на службѣ земьской» от 28 октября 1510 г. — свидетельствует о покупке в Великом княжестве Литовском земли мешчанами (горожанами) у феодалов. В данной грамоте, выданной королем польским, великим князем литовским Сигизмундом I подтверждается следующее: «Билъ намъ чоломъ мешчанин передъ нами, штожъ купилъ в боярына мерецкого в Матея Ятовътовича и в брата его Балътроея, и в ихъ де [те] и землю ихъ отъчызную зъ гаи и зъ сеножатыми за чотырнадъцать копъ грошей и за десять грошей обель вечно. Тожъ купилъ в боярина мерецкого ж в Миколая Яновича и въ его своякини Захны, и въ дети его, землю ихъ властную зъ гаи и зъ сеножатыми, на имя Бутримовъшчину, за чотырнадъцать копъ грошей и за десять грошей. И на то и на все листы купчьи перед нами вказывалъ и былъ намъ чоломъ, абыхмо на то дали ему наш листъ.

Ино мы, выслухавъши тыхъ листовъ купчих, на его чоломъбитъе, то вчынили: на то дали есмо ему сесь наш листъ и потверждаемъ то симъ нашимъ листомъ вечно ему и его жоне, и ихъ детемъ. Маеть он тыи земли, купленину, дежати со вьсими землями пашьными и барьтными, зъ гаи и сеножатыми, и з мутвицами, и ос вьсимъ с тымъ, какъ в тыхъ вышеписаных бояр купилъ, а намъ маеть с того службу земьскую заступовати» [18, 389]. Это важный юридический и исторический факт. Во-первых, содержание процитированных здесь договоров свидетельствует об их консенсуальном характере, когда продавец предоставил товар покупателю, а покупатель уплатил продавцу его цену. При договоре данного вида в качестве товара выступает любая вещь, как движимая, так и недвижимая. Как в нашем случае, цена при договоре купли-продажи определяется денежной суммой, эквивалентной стоимости товара. Основным обязательством покупателя при договоре купли-продажи являлась уплата цены продавцу. Уплата цены должна быть совершена на ту сумму, в то время и в том месте, которые определили стороны. Если время и место уплаты не были определены, это обязательство покупатель должен был выполнить одновременно с получением товара. Данные признаки консенсуального договора также присутствуют в проанализированных нами соглашениях. Во-вторых, продажа дворянских и крестьянских земельных владений становится обычным явлением в XVI в. для стран Европы с развитыми товарно-денежными отношениями, такими как Англия, Франция и др. В этот период зарождающиеся

буржуазные элементы в странах Западной и Центральной Европы скупают земли феодалов вокруг городов, причем нередко не с целью внедрения новых методов хозяйствования, а лишь с тем, чтобы иметь возможность взимать с крестьян феодальную ренту. Зачастую объектом купли-продажи становилась не сама земля, а связанные с ней рентные права. Следовательно, аналогичное явление в указанный период наблюдалось и на территории Великого княжества Литовского, что свидетельствует о зарождении в белорусских землях уже в XVI в. зачатков буржуазных отношений. На данный факт указывал в докторской диссертации «Общественно-политический строй и право Белоруссии в XVI веке» профессор И.А. Юхо. В частности, он писал: «Большую роль в превращении феодального права собственности в буржуазное сыграл принятый в июне 1566 г. Берестейским сеймом закон о свободном распоряжении имениями, который был внесен в ст. 1 раздела 7 Статута 1566 г. Этим законом более всего феодальная собственность на имение сближалась с буржуазной собственностью, для которой характерно неограниченное право распоряжения... Если прежде при отчуждении имения необходимо было получить разрешение государя или представителей государственной администрации, то по закону 1566 г. сделки о недвижимости подлежали только засвидетельствованию в земском суде, а между сессиями земского суда можно было их записывать в книгу замкового (гродского) суда и в течение года переносить запись из замковых книг в земские. Таких записей довольно много в актах земских судов» [12, 283]. Для сравнения, в средневековой Сербии (XIV—XV вв.) заключение и реализация договора о купле-продаже земли, принадлежащей феодалам, с представителями других сословий было делом невозможным. Данное явление было запрещено юридически. Так, ст. 58 «О пронии» Призренского списка и ст. 61 Быстрицкого списка «Законника Стефана Душана» гласит: «Да не волен никто ни продать пронию (поместье), ни купить, кто не имеет башины... (наследственной собственности, т.е. вотчины — *B. E.*)» [8, 90; 20, 187]. Содержание этой правовой нормы обусловлено тем, что право собственности феодалов на землю нераздельно связано с их правом властвовать над зависимыми категориями населения, которые обрабатывали эту землю, и в целом обусловлено господствующим положением феодалов в обществе.

По древнему обычаю, сделки на территории средневековой Беларуси заключались в присутствии заслуживающих доверия свидетелей («годных светков») и сопровождалась исполнением определенных ритуальных действий (рукопожатие, распитие магарыча и т.д.), что свидетельствовало о вступлении в силу договорных отношений. Сделки, заключенные в результате обманных действий, считались недействительными [21, 101].

Правовые нормы, закрепленные в разделе 10, ст. 3 Статута Великого княжества Литовского 1529 г., уже предусматривали обязательную письменную регистрацию всех сделок как с движимым, так и недвижимым имуществом, заключенных на сумму свыше десяти ком денег [22, 111, 199]. Первоначально данная регистрация осуществлялась в актовой книге, где фиксировались сделки частных лиц, жалобы, протесты, доклады ввозных (судебных должностных лиц) и другие документы в соответствии со временем их поступления в суд. Позже, с развитием правоотношений, возрастающим числом сделок и деловых документов, писари, которые вели актовые книги, начали систематизировать все имеющиеся записи и заносить их в специальные актовые книги для каждой категории дел. При этом за три дня до начала судебной сессии, а также в течение трех дней после ее окончания заинтересованные лица могли внести дополнения в записи актовых книг или получить копии документов и выписки [21, 101].

Следовательно, несмотря на существующие определенные различия в нормах гражданского права средневековой Сербии и Великого княжества Литовского, законодательство обеих стран было в состоянии эффективно

защищать интересы сторон в договоре купли-продажи. Законодатели обеих стран предусматривали возможность расторжения и изменения содержания договора по инициативе одной из его сторон, если другой стороной ущемлялись ее права. При этом договорное право средневековой Сербии базировалось на южно-славянских правовых обычаях и нормах римского частного права, а аналогичные институты права Великого княжества Литовского были сформированы на основе отечественных правовых и судебных обычаев. При этом мы не должны сбрасывать со счетов и тот факт, что в XIV—XV вв. в средневековой Сербии и Великом княжестве Литовском осуществлялась рецепция норм римского права, которая преобразовывала сферу договорных и обязательственных правоотношений, в том числе и порядок практической реализации норм договора купли-продажи. В свою очередь благодаря средневековым источникам права Сербии были реципированы и получили правоприменение на территории средневековых русских государств и Великого княжества Литовского в рассматриваемый исторический период (XIII—XV вв.) ряд норм римского частного права. В пользу наших доводов свидетельствует содержание Киевского и Рязанского списков «Кормчей книги» — источника русского церковного и светского права, который датирован 70-ми годами XIII в. Русские исследователи И.И. Срезневский и Я.Н. Щапов независимо друг от друга установили, что данный источник является идентичной копией сербского «Номоканона святого Саввы», а точнее его Иловичского списка, который датирован 1262 г. [23, 139; 24, 135]. Выявленные и исследованные нами списки «Кормчей книги», которые были выполнены на территории Беларуси (Жировичский и Пинский списки), позволили нам согласиться с точкой зрения И.И. Срезневского и Я.Н. Щапова, что основным источником Киевского и ряда других источников «Кормчей книги», которые имели хождение на территории России, Украины и Беларуси, был сербский — Иловичский список «Номоканона» 1262 г. В содержании проанализированных источников в идентичном порядке и объеме изложены фрагменты из законодательства императора Юстиниана, «Эклоги» и «Прохирона» [25, 240a—249a, 2676—3276; 26, 240a—3166; 27, 240a—250a, 268a—3286]. Данный факт свидетельствует в пользу того, что нормы римского права были реципированы в право русских княжеств, Великого княжества Литовского и право большинства стран Западной Европы почти одновременно. Восточно-римский и сербский пути рецепции римского права в правовую систему Великого княжества Литовского прослеживаются с конца XIII в. [28, 38].

Кроме того, обязательственные правоотношения в средневековой Сербии (X—XV вв.) соответствовали достаточно высокому уровню развития производительных сил и производственных отношений феодального общества. Значительное развитие получило в сербском праве договорное и обязательственное право, в том числе договор купли-продажи и порождаемые им юридические последствия.

Проведенный анализ правового материала свидетельствует о наличии тенденции развития договора купли-продажи в праве обеих стран в форме консенсуального договора. В договоре купли-продажи в праве средневековой Сербии и Великого княжества Литовского, как и римском частном праве, одна сторона — продавец (*venditor*) обязуется предоставить другой стороне — покупателю (*emptor*) в собственность вещь, товар (*merx*), а другая сторона — покупатель обязуется уплатить продавцу за проданную вещь определенную цену (*pretium*). Товар и цена являлись существенными элементами договора купли-продажи еще в римском частном праве, где данный вид договора классифицировался как консенсуальный контракт.

Таким образом, из всего изложенного следует, что договор купли-продажи как вид консенсуального договора продолжал развиваться в средневековом праве стран Европы на основе сформированных традиций в рим-

ском частном праве и реальной практики эпохи феодализма, которая, безусловно, несколько видоизменила особенности правоприменения данного договора.

Далеко не все нормы римского частного права нашли свое применение в праве стран средневековой Европы. Однако необходимо признать, что правоприменение консенсуальных договоров в праве средневековой Сербии, Великого княжества Литовского и других стран Европы сыграло позитивную роль в истории развития права. Данное явление способствовало формированию современного взгляда на консенсуальные договоры как сделки, порождающие гражданские права и обязанности с момента достижения сторонами соглашения. Понимание характера консенсуального договора спустя несколько столетий нашло отражение в основных правовых системах современного мира, прежде всего, в англо-саксонской и романо-германской системах. В XXI в. невозможно представить гражданское право ни в одной из стран мира без наличия в нем разновидностей консенсуальных договоров. Например, ГК Республики Беларусь современную трактовку консенсуальных договоров излагает в ст.ст. 63—104, 424—475, 577—732. Кроме того, консенсуальные соглашения широко применяются и в международном частном праве. На основе международного договора купли-продажи построена вся современная архитектура внешней торговли Республики Беларусь и мирового сообщества.

Литература

1. Зигель, Ф. Законникъ Стефана Душана / Ф. Зигель. — СПб.: Общественная польза, 1872.
2. Костић, К.Н. Стара српска трговина и индустрија: студија из културне историје српског народа у средњем веку / К.Н. Костић. — Београд: Коларчева задужбина, 1904.
3. Соловјев, А.В. Уговор о куповини и продаји у средњовековној Србији / А.В. Соловјев // Архив за правне и друштвене науке. — Свеска XXXII. — Београд, 1927. — С. 429—448.
4. Тарановски, Т.В. Историја српског права у Немањинској држави. — Део 3: Историја грађанског права / Т.В. Тарановски. — Београд: Г.Кон, 1935.
5. Pavković, N.F. Pravo prece kupovine u obicajnom pravu Srba u Hrvata. Studija iz pravne etnologije: Doktorska disertacija branjena 25 maja 1970 godine na Filozofskom fakultetu u Beogradu pred komisijom... — Beograd: Univerzitet u Beogradu, 1972. — 226 s.
6. Ђњатовић, Д. Добри и зли динари: функције новца и новчани систем средњовековне Србије / Д. Ђњатовић. — Београд: Јусловенски преглед, 1998.
7. Марковић, Б. Уговор о купопродаји према законодавству цара Стефана Душана / Б. Марковић // Средњовековно право у Срба у огледалу историјских извора: зборник радова са научног скупа одржаног 19—21 марта 2009 / Уредници С. Ћирковић, К. Чавошки. — Београд: САНУ, 2009. — С. 57—75.
8. Ермолович, В.И. Право средневековой Сербии (XII—XV вв.) / В.И. Ермолович. — Минск: БГЭУ, 2003.
9. Ермолович, В.И. Институты договорного права в законодательстве Сербии (XII — XV вв.) / В.И.Ермолович // Традиција и современост. Зборник радова са научног скупа (Бања Лука, 4—6 новембра 2004 г.). — Бања Лука: Филозовски факултет у универзитету, 2004. — С. 823—833.
10. Јермолович, В.И. Основне институције облигационог права (Упоредна анализа законодавства средњовековне Србије и Белорусије) / В.И. Јермолович // Јединство православних Словена. — Књ. 1. — Источно Сарајево: Филозовски факултет, 2006. — С. 160—184.
11. Ермолович, В.И. Основные институты обязательственного права (сравнительный анализ законодательства средневековой Сербии и Великого княжества Литовского) / В.И.Ермолович // Право и демократия: сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. — Минск: 2007. — Вып. 18. — С. 113—126.
12. Юхо, И.А. Общественно-политический строй и право Белоруссии в XVI веке: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / И.А. Юхо. — Минск, 1979. — 399 л.
13. Дојнар Т.І. Развјиће агуљназемскога права Беларусі ў XV—XVI стагоддзях: дыс. ... д-ра юрид. навук: 12.00.01 / Т.І. Дојнар. — Мінск, 1997. — 226 л.
14. Јанковић, Д. Историја државе и прва феудалне Србије (XII—XV век) / Д. Јанковић. — 3-е изд. — Београд: Научна књига, 1961.
15. Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Лившиц. — М.: Наука, 1965.

16. Новаковић, С. Законски споменици српских држава средњег века / С.Новаковић. — Београд: Српска Академија наука, 1912.
17. Флоринский, Т.Д. Памятники законодательной деятельности Душана царя Сербовъ и Грековъ. Хрисовулы. Сербский Законникъ. Сборники византийскихъ законовъ / Т.Д. Флоринский. — Киевъ: Императорский университет св. Владимира, 1888.
18. Lietuvos metrika. — Кн. 8. — Vilnius: Mokslo ir enciklopedijos leidykla, 1995.
19. Спиридонов, М.Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV—XVI вв.) / М.Ф.Спиридонов. — Минск: Навука і тэхніка, 1993.
20. Законик цара Стефана Душана: Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукопис / уредник акад. М. Беговић. — Београд: Српска Академија наука и уметности, 1981. — Књ. II.
21. Доўнар Т.І. Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV—XVI стагоддзях / Т.І. Доўнар. — Мінск: Пропілеі, 2000.
22. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. / под ред К.И. Яблонска. — Минск: Изд-во АН БССР, 1960.
23. Срезневский, И.И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.) / И.И. Срезневский. — 2-е изд. — СПб.: Император. акад. наукъ, 1882.
24. Щапов, Я.Н. Византийское и южно-славянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. / Я.Н. Щапов. — М.: Наука, 1978.
25. Arhiv Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti v Zagrebe. — F.3. — Op. 1. — С.9. Законоправило или Номоканон Светого Саве. Иловички препис 1262 година.
26. Библиотека Литовской академии наук. — Фонд 19. — Оп. 1. — Ед.хр. № 243. Белорусская «Кормчая книга». Жировичский список 1609 г.
27. Библиотека Литовской академии наук. — Фонд 19. — Оп. 1. — Ед.хр. № 242. Белорусская «Кормчая книга». Пинский список 1634 г.
28. Ермолович, В.И. Рецепция норм римского права в правовую систему Великого княжества Литовского / В.И.Ермолович // Белорусская государственность и развитие национальной правовой системы: от Статута 1588 года до современной Конституции: материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 11—12 марта 2008 г.) / редкол.: Г.А. Василевич [и др.]. — Минск: Веды, 2008.

Статья поступила
в редакцию 21.02. 2011 г.

О.А. ПРОХОРЧИК

К ВОПРОСУ О СОБСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Важным вопросом деятельности иностранных государств и международных организаций в сфере гражданско-правовых отношений, является приобретение и реализация имущественных прав на территории Республики Беларусь. По общему правилу содержание права собственности составляют принадлежащие собственнику правомочия по владению, пользованию и распоряжению вещью [1, 407]. Под правомочием владения понимается основанная на законе (юридически обеспеченная) возможность иметь у себя данное имущество, содержать его в своем хозяйстве (фактически обладать им, числить на своем балансе и т.п.). Правомочие пользования представляет собой законную возможность эксплуатации, хозяйственного или иного использования имущества путем извлечения из него полезных свойств, его потребления. Правомочие пользования тесно связано с правомочием владения, ибо в большинстве случаев можно пользоваться имуществом, только

Олег Анатольевич ПРОХОРЧИК, аспирант, ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета.